

ЛЕВ КРОЙЧИК

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ «ТАК БЫЛО»

I

Когда все это началось?
5-го марта 1953 года?
После доклада Никиты Сергеевича
Хрущева на Двадцатом съезде пар-
тии, состоявшемся в феврале 1956 года?

А может, всё накапливалось исподволь, посте-
пенно, по Чехову – выдавливали из себя по каплям
раба, сами того не замечая, и однажды проснулись
совершенно свободными людьми?

Не знаю.

У меня нет ответа на этот вопрос.

Все шло так, как шло.

Начало ноября пятьдесят третьего.

Еду на праздник домой в Ярославль.

Билет на поезд «Москва–Кострома» не достал.
Но есть запасной вариант: электричка «Москва–
Александров». А в Александрове можно пересест-
ь на следующую электричку, идущую уже до Ярос-
славля. Проигрываю по времени, но зато в конце кон-
цов добираюсь до дома.

Сажусь в электричку, отправляющуюся в 10 ве-
чера.

Под стук колес хорошо дремлет.

На подъезде к Мытищам просыпаюсь от при-
косновений чьей-то руки:

– Парень, ты куда едешь?

– В Ярославль. С пересадкой в Александрове.

– Ты бы, парень, сошел в Мытищах, переноче-
вал бы там, а с утра поехал бы дальше.

– Почему?

– Потому что шалят нынче в поездах.

Просыпаюсь окончательно: немолодая женщи-
на с двумя авоськами в руках объясняет мне прави-
ла личной безопасности во время поездок в ночных
электричках.

Оглядываюсь: вагон почти пуст. В проходе топ-
чутся те, кто выходит в Мытищах.

Благоразумие побеждает – выхожу в Мытищах.
Небольшой зал забит пассажирами: не я один такой
боязливый.

Моя студенческая черная шинель с квадратны-
ми погончиками привлекает милиционера. Тот под-
ходит, спрашивает документы. Показываю студен-
ческий билет.

– Чего забыл в Мытищах?

Не объяснять же, что струсил ехать в Алексан-
дров в полупустом поезде.

Говорю сбивчиво:

– Сел не на ту электричку. Мне надо в Монино.

– Ну-ну... – милиционер движется дальше.

Нашел свободное место. Коротая ночь спокой-
но: все-таки моя милиция меня бережет... Утром
продолжаю дорогу к дому.

Почему вспомнил об этом?

Потому что после смерти Сталина прошла
большая амнистия – выпустили на волю около соро-
ка тысяч уголовников. Вот они и «шалили». Подроб-
ности мне не известны, но какая-то напряженность
ощущалась.

Чувствуется – что-то происходит, что-то меня-
ется. Газеты перестали цитировать мудрые слова
товарища Сталина. На одной из лекций мы спраши-
ваем об этом нашего преподавателя, читающего нам
курс по истории марксизма-ленинизма. Преподава-
тель разводит руками:

– Сам удивляюсь.

Может, врет, может, знает, в чем дело, но нам
не говорит. Не хочет, видимо, сообщать нам «тайны
века».

Но амнистия – вещь известная. О ней сообщали
газеты, хотя, разумеется, о разгуле преступности в
газетах ничего не сообщали.

Л. Кройчик – студент Московского геологического института. 1953 год

Почему я должен выходить из вагона не на своей остановке? Чего мне, студенту, бояться? Кому я нужен? Или моя шинелька уже кому-то приглянулась?

Впрочем, вопрос о «шинельке» очень быстро отпал. Весной пятьдесят четвертого меня отчислили из геологоразведочного института имени Серго Орджоникидзе за неуспеваемость. Осенью того же года я стал студентом историко-филологического факультета Воронежского университета.

Совсем другая жизнь у меня началась. Безмятежно счастливая.

Просыпался каждое утро в домике на Садовой, 20-а и повторял одну и ту же молитву:

– Господи! Какой я счастливый человек! Учусь в лучшем университете мира! На самом лучшем факультете в стране! В самой прекрасной группе филологического отделения!

Вот такая была у меня ежедневная молитва.

Всё нравилось мне – и сокурсники, и преподаватели, и хозяйка – Анна Васильевна Цуканова, у которой я снимал койку, и вообще – всё, всё, всё!

Жил взахлеб!

Студенческая группа истфилфака ВГУ. 1959 год

Преподаватели: Алла Борисовна Ботникова, Валентина Ивановна Собинникова, Сергей Георгиевич Лазутин, Петр Григорьевич Богатырев, Елизавета Петровна Андреева, Полина Андреевна Бороздина, Анатолий Михайлович Абрамов – посвящали нас в неведомые нам тайны.

А редакция газеты «За научные кадры», куда я протоптал тропинку и где очень быстро подружился с Колей Зиновьевым, Валентином Рахманиным и Борисом Владимировичем Кривенко!

А курсовые и факультетские вечера!

А первый колхоз в селе Медвежье Семилукского района, позже ехидно описанный моим сокурсником Володи Гусевым в повести «Свет и тени заката»!

А бурлящий вечерний Воронеж!

Занятия по физкультуре с нами вел Юрий Эдуардович Штукман, подготовивший впоследствии плеяду знаменитых гимнасток. И это тоже было необычно: знаменитый тренер по спортивной гимнастике, чья ученица – Римма Александрова стала чемпионкой России, ведет у нас рядовые занятия по физкультуре!

Всё было внове, и всё было интересно. Поэтому не было ничего удивительного в том, что в декабре 1954 года я счел для себя возможным включиться в общесоюзную дискуссию по повести Ильи Эренбурга «Оттепель».

Это сегодня слово «оттепель» выглядит знаково, определяя название целой эпохи. А тогда, в середине пятидесятых, повесть Ильи Эренбурга была только сочинением известного автора и никаких других ассоциаций не вызывала.

Ну, конечно, Эренбург у всех на слуху.

Борец за мир, автор знаменитых романов – «Буря» и «Девятый вал», в которых неутомимые борцы за мир боролись с империалистами.

Член комитета по присуждению Премий мира. Непременный участник конгрессов борцов за мир и так далее...

Повесть вызвала интерес.

Правда, Константин Симонов, помнится, охаял повесть в «Литературке».

Эренбург ему ответил.

Критикесса Тамара Трифонова тоже отозвалась о повести в том духе, что восторга книга не

Студенческий колхоз. 1950-е годы

вызывает. Но писатель Эренбург на это внимания не обратил.

Признаюсь, «Оттепель» не произвела на меня сильного впечатления. Единственное, что запомнилось, – любовная интрига: взаимоотношения замужней женщины и мужчины. Эренбург писал о том, что в Советском Союзе не поощрялось. Брак в стране Советов должен быть прочным раз и навсегда. Если супруги решали разойтись, то они должны были пройти через публичные осуждения: сначала в газете следовало дать объявление о разводе, а затем в открытом заседании суд рассматривал это заявление. Понятно, что немногие из разводящихся готовы были пройти через эту публичную порку.

Не каждый на это соглашался.

А тут, пожалуйста, такая любовь.

И Эренбург об этом не побоялся рассказать.

А помните все споры о том, каким должен быть художник: служителем высокого искусства или халтурщиком, готовым на всё?

Споры выглядели скучными: художник Сабуров говорил одно, художник Пухов – другое.

Пухов выглядел приспособленцем, Сабуров – творцом. О чем тут было спорить?

Тем не менее дискуссия, развернувшаяся в «Литературке», шла довольно оживленно.

И я решил в эту дискуссию вмешаться.

А тут как раз случился Второй съезд Союза советских писателей в Москве. Съезд продолжался две недели. «Литературка» печатала выступления участников, а также дружеские шаржи и эпиграммы из рукописной газеты, выходившей на съезде.

Я читал эти эпиграммы и счел, что могу сам написать не хуже.

Поэтому отправил в президиум съезда свою эпиграмму на Илью Григорьевича:

*За «Бурей» шел «Девятый вал»,
И каждый «Урагана» ждал,
Но в мае вместо «Урагана»
Нам «Оттепель» смешала планы.
И говорим мы, брови хмуря,
– Пусть лучше снова грянет «Буря»!*

Послал и стал ждать триумфа: мне очень нравилось, как я остроумно обыграл погодные условия.

Получил вежливый ответ от консультанта. Консультант писал, что И.Г. Эренбург – известный советский писатель и гордость нашей литературы. Поэтому не каждому дано подвергать его творчество осмеянию.

Я смахнул амбиции со своего лица и стал жить дальше.

Все мои творческие интересы в этот момент воплотились в сотрудничество с газетой «За научные кадры». Печатал там корреспонденции, очерки, зарисовки, фельетоны. На факультетских и курсовых вечерах вместе с Мишей Сафоновым мы разыгрывали интермедии и сценки из студенческой жизни.

Купался в славе, и этого мне было вполне достаточно.

Ездили в подшефный детский дом. Выступали со студенческой агитбригадой в ближайших колхозах.

А жизнь страны потихоньку менялась.

Позже тому, что со всеми нами происходило, дали название «оттепель».

Эренбург уловил суть перемен: оттепель – время, при котором ещё не очень тепло, но уже и нет холодов – таких, как вчера.

Время перемен.

Когда повесть вышла в свет, многих очень сильно раздражало название: оттепель – синоним слякоти, но между тем у оттепели есть и другой смысл – окончание холодов, время таяния ледяных глыб. Позже Григорий Чухрай в фильме «Чистое небо» показал картину ледохода как символ «оттепели». Оттепель – не просто граница между слякотью и непогодой, она – граница между временами.

Тогда казалось – Двадцатый съезд стал точкой невозврата к прежнему.

Заговорили о переходе к реформам, инициатором которых выступал Алексей Николаевич Косыгин.

В ход пошел довольно нахальный призыв – «Догнать и перегнать Америку».

Оттепель – время оптимизма и надежд на иное будущее.

Но одновременно – танки на улицах Будапешта.

Но одновременно – начало борьбы с инакомыслием.

Но одновременно – достаточно очевидная схватка «Октября» и «Нового мира».

И все-таки возникло ощущение – времена неслободы завершаются!

Пришли другие времена – поиск творчества. Ещё боялись говорить во весь голос, но потихоньку начали разговаривать нормальным языком.

В пятьдесят седьмом году ребята-филологи Марк Бент и Виктор Куропаткин выпустили журнал «Открытый взгляд».

Журнал как журнал, ничего особенного: ребята писали о том, что их беспокоило, – о культуре, об искусстве. Однако начальство всполошилось. Собрали народ, чтобы устроить авторам журнала публичную

порку. Устроили. Ребят выгнали из университета. К счастью, на их дальнейшую судьбу этот эпизод не очень повлиял. Хотя крови им попортили. Оба впоследствии получили дипломы о высшем образовании. Марк стал доктором наук, Виктор – кандидатом.

И все-таки казалось, что мир меняется к лучшему.

Примерно в это же время на факультете у нас появились новые лица – Семён Черепинский и Леня Быковский. Семён пришел, кажется, на третий курс, Лёва – на наш. Ребята молчали, но вскоре выяснилось, что оба они отбывали сроки по 58-й статье. Пока учились, – ни слова о том, что с ними произошло. Возможно, приказали молчать, а может, потому, что самим не хотелось ворошить прошлое.

Трудно давалось расставание с прошлым. Очень трудно.

Много позже, уже в годы перестройки оказался я в театре имени Ермоловой на спектакле «Говори!», поставленном по рассказам Валентина Овечкина. Фабула овечкинской прозы была бесхитростной: борьба энергичного передового партработника с замшелым секретарем райкома партии.

Финальная мизансцена спектакля выглядела так: рядовые колхозники разворачиваются лицом к залу и выдвигают из своих рядов на авансцену самого смелого своего оратора и командуют: «Говори!»

А он, этот самый смелый, молчит: не приучен ещё говорить о том, что думает.

Молчит.

Народ, пришедший на собрание, сначала негромко, а потом все громче произносит: «Говори! Говори!»

Но в этот момент занавес закрывается.

Трудно дается человеку открытое публичное слово.

Сегодня, когда я пишу свои воспоминания, не знаю: умели мы уже тогда говорить свободно? Научились ли говорить то, что думали?

Орать умели. Не слушать и не слышать друг друга – тоже.

А говорить?

Тогда, в середине пятидесятых, мы этому только учились.

В пятьдесят восьмом мне предстояло выбрать тему дипломной работы.

Моим руководителем был Анатолий Михайлович Абрамов. Прихожу к нему и говорю:

– Хочу писать дипломную работу, посвященную творчеству Павла Когана.

– С какой стати? – спрашивает Анатолий Михайлович.

Во время репетиции

– Это мой двоюродный брат, – объясняю я. – Сохранился его архив. Я читал его стихи. Все поют «Бригантину», но мало кто знает автора этой песни. По-моему, может получиться хорошая работа. Тем более, что у меня есть доступ к архиву.

– Я подумаю, – говорит Анатолий Михайлович. Через пару дней он говорит мне:

– Знаешь, давай остановимся на теме, которой мы занимались раньше.

И я смиренно соглашаюсь со своим научным руководителем. Тема дипломной – «Советская поэзия 20–30-х годов». Писал о творчестве Владимира Луговского, Николая Деметьева (очень мне тогда нравилась его поэма «Мать») и других поэтов того времени.

До сих пор не понимаю, почему Анатолий Михайлович не согласился с моим предложением писать о молодом поэте, погибшем на войне.

В пятьдесят девятом новые времена только пробивали себе дорогу. А уже в шестьдесят первом в актовом зале на площади Ленина, 10 филологи два дня подряд спорили о путях развития советской литературы, и Анатолий Михайлович принимал живейшее участие в этой дискуссии.

Вадим Кулиничев мне потом рассказывал о страстях, которые кипели в этом актовом зале.

Получается – научились говорить. Перестали бояться.

II

Оттепель – время самотворения, время права на высказывание.

Время доверия к окружающему миру. Время интереса к диалогу.

Я и сегодня от своих прежних взглядов на мир не отказываюсь, но понимаю, что они во многом были наивны и архаичны.

Над макетом газеты. 1962 год

Что было – то было.

Жизнь, кажется, состоялась.

Может, потому она и задалась, что я ни от чего не отрёкся. Хотя, естественно, взгляды на происходящее у меня менялись.

Многое с тех пор пересмотрел. Научился говорить «Нет!»

Научился отстаивать свою точку зрения. Учился жить с прямой спиной.

Это очень трудно – не прогибаться, но я стараюсь.

...В 1962 году мы вернулись из Шебекино в Воронеж, и я стал работать в университетской многотиражке, которая к этому времени стала выходить на четырех полосах формата А3 и стала называться «Воронежский университет».

А ещё через год я стал преподавателем кафедры советской литературы, которую возглавлял Анатолий Михайлович Абрамов.

Тогда же неутомимый ректор Борис Иванович Михантьев решил открыть на филфаке заочное отделение журналистики.

По каким-то причинам было решено, что занятия на юном отделении журналистики начнутся сразу на двух курсах – на том, который сформировали в шестьдесят третьем, и на том, который образовали из числа желающих стать журналистами из поступающих годом раньше на филфак.

Нагрузка была непомерная – две группы и в каждой по двадцать пять человек. И ещё одна характерная примета набора на заочное отделение той поры: принимали только тех, кто имел стаж не меньше двух лет или уже отслужил в армии. К тому же, обком партии, который зорко курировал новое отделение, отправил по районным газетам строгое предписание – лица, не имеющие высшего образования, должны получить его на вновь созданном отделении журналистики в университете.

Первое занятие кружка журналистов в ВГУ. В центре – Г.В. Антюхин. Зима 1962 года

Решение это было, в общем-то, понятным – в районных редакциях не хватало профессиональных кадров, но реализовать его было крайне сложно – на филфаке опытных специалистов практически не было. Возглавляла отделение Валентина Витальевна Ситенко, только что переехавшая из Москвы в Воронеж (мужа-военного перевели в наш город). К этому времени она защитила в Москве в МГУ под руководством профессора Щербины кандидатскую диссертацию по советской литературе. Вторым человеком на новом отделении стал Георгий Владимирович Антюхин, работавший в журнале «Подъем» и писавший кандидатскую диссертацию по истории воронежской журналистики.

Привлекли к работе на отделении журналистики и нескольких опытных журналистов «Коммуны» – Бориса Митрофановича Подкопаева, Федора Николаевича Сурина, Сергея Васильевича Погребенченко.

Выручало только то, что отделение было заочным, и занятия со студентами проводили два раза в год – в зимнюю и летнюю сессии. Преподаватели, как говорится, работали с чистого листа.

В июне шестьдесят третьего случилось несчастье – лег в больницу Борис Митрофанович Подкопаев, читавший заочникам курс «Техника газетного дела». Представляете ужас деканата филфака: студенты сидят в аудитории, а преподавателя нет.

И тут вспомнили обо мне – все-таки журналист с опытом трехлетней работы в районной газете. Методист деканата Лидия Васильевна Данилюк бежит ко мне в редакцию:

- Выручайте! Заболел Подкопаев.
- А что читать? – нахально спрашиваю я.
- «Технику газетного дела».
- Когда? – спрашиваю я.
- Сейчас. Они сидят в аудитории 423-й в главном корпусе.

А я перед этим полгода в районной газете занимал должность ответственного секретаря, потому что ответственный секретарь редакции Валентина Михайловна Некипелова готовилась к поступлению в Ростовскую высшую партийную школу.

- Ладно, – говорю нахально. – Я пошел.

И отправился в главный корпус. Поднимаюсь на четвертый этаж. Открываю дверь в аудиторию. Сидят какие-то взрослые дяди и тети – полковник авиации, майор, капитан-лейтенант, плешивый немолодой человек, дамы бальзаковского возраста – так мне показалось. Захлопываю дверь и разглядываю заветный листочек с номером аудитории. Куда я попал? Да нет, всё, вроде бы, правильно.

Вновь открываю дверь.

– Заходи, заходи, преподавателя ещё нет, – добродушно кричит мне полковник.

– Это я ваш преподаватель.

– Ну, тем более, заходи-те!

Так я вошел в аудиторию, и позже выяснилось – навсегда!

Ничего удивительного. Это было неповторимое время оттепели, когда ничему не стоило удивляться.

Многое определялось энтузиазмом творцов. Так было не только в университете. Так было по всей стране.

Но удивительные вещи, происходящие в то лето со мной, на этом не закончились.

Однажды перехватывает меня в вестибюле главного корпуса Владимир Никандрович Пластинин – заведующий кафедрой физвоспитания и говорит мне медоточивым голосом:

– Лёвушка! Хочешь летом поработать?

– То есть?

– Берешь Риточку, Наташеньку и едешь в лагерь комиссаром.

Владимир Никандрович любил ласкательные имена.

– Риточка и Наташенька уже пристроены, – говорю я. – Профком дал горящую путевку в дом отдыха матери и ребенка, в Одессу.

– Тем более, – радуется Пластинин. – Летом ты свободен. Соглашайся.

– А что делать?

– Что захочешь. Главное, чтобы в лагере было интересно. Даю тебе карт-бланш.

– А кто едет начальником?

– Сеня Черепинский.

Семён Черепинский – фигура серьезная, выпускник истфилфака, преподаватель кафедры педагогики, человек, много повидавший на своем веку, в том числе и сталинские лагеря. В университете был одним из лидеров студенческого профкома и бессменным начальником лагеря «Веневитиново». О Семёных методах руководства лагерем ходили легенды. Семён с огромным трепетом относился к распорядку дня. После отбоя он ходил вдоль палаток и пересчитывал ноги лежащих: во-первых, чтобы на каждую койку приходилось не больше двух, а во-вторых, чтобы они вообще в каждой койке имели место.

Метод наведения порядка у начальника лагеря был прост:

– Главное, – говорил Сеня, – в первые дни нужно выгнать одного-двух нарушителей порядка, а потом всё пойдет своим чередом.

И вот мне предстояло работать под началом этого замечательного человека.

– Ладно, – сказал я Владимиру Никандровичу. – Но я предложу свой вариант работы. Если вы его примите, я соглашусь ехать комиссаром.

Через пару дней план был готов и представлен на обсуждение Черепинскому и Пластинину.

План был такой:

1) На базе лагеря учреждается «Республика Солнца».

2) Свой флаг.

3) Своя система управления.

4) Вся власть в Республике принадлежит народу, который откликается на инициативы лагерного руководства.

5) После отбоя по особому разрешению допускается жечь костры.

Эти предложения были приняты, и Республика подняла на флагштоке свое знамя – желтое солнце на голубом фоне.

В лагере тем летом отдыхали замечательные ребята – Станислав Кадменский, Владимир Сисикин, Вадим Кулиничев, Геннадий Фролов... Это была знаменитая «Палата лордов» – интеллектуалы, заперщики самых разнообразных выдумок.

Настоящие вожаки.

Футбольные, волейбольные матчи. Усманка, походы, костры ежевечерние, что ещё надо для полного счастья?!

Было торжественное открытие Республики.

Приехало университетское начальство – проректор Петр Михайлович Гапонов, секретарь парткома Валентин Сидорович Рахманин и другие официальные лица. Высокий флагшток обмотан каким-то лозунгом. Первым на лозунг обратил внимание секретарь парткома. Валентин Сидорович подошел к столбу и стал ходить вокруг него, чтобы прочесть написанное.

Засмеялся. И позвал Петра Михайловича. Тот, естественно, тоже обошел несколько раз вокруг столба и тоже засмеялся. Я в это время скромно стоял на веранде и следил за телодвижениями начальников, читавших текст.

А текст был простой: «И чего ты, дурак, ходишь вокруг столба». Потом было открытие, соревнования, вечерний общелагерный костер, входившие в моду бардовские песни.

Было дружно и весело.

Так началась знаменитая лагерная смена.

А закончилось всё печально.

Не в лагере – в городе.

По традиции после смены ребята собирались в «Детском парке».

Пели песни. Звучали гитары.

Так было и на этот раз.

В спортивно-оздоровительном лагере «Веневитиново». 1962 год

Но лавочка с гитарой оказалась неподалеку от отделения милиции.

Четкое милицееское ухо уловило жизнь. И отреагировало.

Народ выглядел нарушителем тишины.

Милицееский наряд отправился наводить порядок.

А среди нарушителей порядка – Володя Сисикин, студент филфака, будущий автор многочисленных книг для детей, режиссер ТЮЗа, преподаватель академии искусств, один из самых ярких людей филфака, человек необычайно талантливый, трудолюбивый.

А вдобавок ко всему – ироничный.

В присущей ему ироничной манере (как мне потом об этом рассказывали) Володя парировал требование сотрудника милиции цитатами из своих «неправильных» песен. Милиционер обиделся и произвел задержание бузотера.

А где задержанный – там и протокол. А где протокол – там и приказ ректора.

После некоторых колебаний Борис Иванович отчислил Володю из университета.

А через некоторое время – восстановил на заочном отделении.

Я вспоминаю сейчас об этом эпизоде не для того, чтобы скомпрометировать представление читателей об оттепели.

Оттепель была первой послевоенной попыткой прорыва в иной мир существования. Человек впервые получил возможность думать, как ему хочется, говорить, как ему хочется, поступать в соответствии со своими желаниями.

Была надежда у очень многих, что всё теперь изменится в лучшую сторону. И что-то, действительно, вокруг менялось. Но, к сожалению, период оттепели продлился не очень долго. Обновления мира не произошло. Хотя определенные либеральные идеи свое развитие получили.

Главная из этих идей, как мне кажется, – проверка своих возможностей: а на что я способен? Отсюда – и пафос первых поездок на уборку целинного урожая: деньги – деньгами, но хотелось проверить – на что ты способен. И бурное развитие студенческой науки, и возникновение по всей стране студенческих театров. И хотя попытки самостоятельной деятельности верхами подавлялись, тем не менее интерес к творчеству у молодых не пропал.

Общественная мысль определенные позиции за собой сохранила.

Мне кажется, сам факт мощного развития отрядного движения говорил о многом – на студенческих стройках проверялся новый тип хозяйствования,

Лев Кройчик и Александр Смирнов – соратники по Театру миниатюр и отделению журналистики ВГУ. 1960-е годы

ния, не случайно этот вид творчества и студенческой самодеятельности совпал с широким распространением бардовской песни. Ведь авторы бардовских песен – это не только профессионалы вроде Булата Окуджавы, Юнны Мориц, Юрия Визбора, но и любители.

А ещё были Таганка и БДТ, проверявшие новые театральные идеи в своих постановках.

А в ВГУ в шестидесятые годы возникает театр миниатюр.

Театр пытался говорить о том, что его волновало и оказалось, что этот призыв к диалогу с публикой был поддержан.

Театр миниатюр ВГУ собирал залы в Воронеже, Одессе, Ереване, Самаре, Челябинске, Мурманске, Свердловске.

Это было очень важно как для нас, так и для зрителей.

После каждого спектакля оставались в зале, обсуждали, говорили, спорили.

Мне казалось, именно это – самое главное: не только то, о чем мы говорили в спектакле, но и то, о чем говорили после него.

И вот что ещё важно.

Оттепель создавала ощущение, что можно жить иначе, не так зашоренно, не так заскорузло.

Подчеркну, это не было попыткой отчаянного самоутверждения. Это было стремлением создать круг единомышленников.

Убедить себя и окружающих, что мы все вместе что-то можем.

Пройдут годы и, вспоминая о тех уже далеких временах, кто-то скептически скажет:

– Ну вот, вы пели дружно: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...», а что в конечном счете получилось? Одиночные камеры вы

схлопотали, и публичные суды, и высылки за рубеж... И никаких реформ в конечном счете не дождалось. Сначала пришло время, названное «застоем», потом была «перестройка», а затем пришли «ледяные» девяностые. Вы этого хотели?

Конечно, мы не этого хотели. Но я думаю, что годы оттепели даром для нас, по крайней мере для меня и моих близких, не прошли.

Перелистывая сейчас страницы своей собственной жизни, я думаю, что эти годы я жил не по приказанию свыше, а по собственному желанию. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что шестидесятые годы предвосхитили всю дальнейшую мою жизнь.

Бог с ним, с социализмом с человеческим лицом, который мы так и не построили.

Я просто сохранил свое человеческое лицо и искренность сохранил и все эти годы стремился не врать самому себе.

Утверждал свое достоинство – и потому доказывал право жить так, как хочется.

То есть – по-человечески.

Оттепель дала понять – внутри страны рождается новое отношение к жизни.

Обыкновенный человек заявил о своих притязаниях на равноправие в мире идей.

Так продолжалось до тех пор, пока наши войска не вошли в Чехословакию. Достоинство личности перестало быть мерилом жизни.

Под лязг гусениц откуда взяться диалогу гражданина и власти?

III

Кончается «оттепель» в шестьдесят восьмом? Формально говоря, да.

Но жизнь продолжается.

Прочел в «Новой» характеристику шестидесятых (Пастухов В. Поколенческий шаг // Новая газета. 2015. 22 июля. С. 6):

«Шестидесятники – первые и потому самые «аутентичные» наследники большевиков, «рафаэлиты» оттепели. Оттепель стала главным событием всей их жизни, предопределив судьбу многих. Они успели по касательной прочувствовать огненное дыхание Большого террора (если не прямо, то через родителей), и их собственное вхождение в большую жизнь проходило во времена, которые Ахматова называла «вегетарианскими». Сочетание гордости и стыда за отцов, шок от открывшейся правды жизни, при этом достаточно щадящий общественный режим, допускаящий некоторое проявление свободы,

сделали из шестидесятников поколение романтиков и мечтателей, поверивших в то, что в России всё может быть иначе. Эта вера выстрелила через поколение, отчасти воплотившись в идеалах перестройки.

Сами шестидесятники не смогли воплотить свои идеалы в жизнь и остались в исторической памяти поколением, пропевшим гимны свободе и вслед за этим сошедшим со сцены».

Обидно, что «шестидесятников» причислили к сошедшим, но ясно, что реализовать свои идеи в полной мере им не удалось.

Пришли иные времена. Исполняются другие песни.

Звучат другие слова.

Владимир Пастухов, оценивая шестидесятые, с формальной точки зрения абсолютно прав: всё было именно так, как он пишет об этом времени. Но формулы плохо вписываются в реальную жизнь. Публицист, выросший в другие времена, не очень точен в характеристике настроений эпохи. Главное настроение того времени, как мне кажется, – это ожидание собственной востребованности, стремление эту востребованность подтвердить своими делами. Павел Коган ещё в тридцать восьмом писал: «Я с уважением потрогал руки, которыми столько мог».

Вот это желание – проверить своими руками, на что ты способен, – как мне кажется, было определяющим для «шестидесятников».

Когда в пятьдесят девятом группа физиков – студентов и аспирантов МГУ отправилась в Казахстан в дальний совхоз на строительство жилых домов, мало кто предполагал, что из этой поездки вырастет мощное стройотрядовское движение. Оно – выросло. Стало принципиально новым вариантом хозяйственной деятельности. Вместо унылой работы на колхозной борозде в осеннее время года стройотряды получили возможность реализовать свои планы по созиданию нового облика России.

Колхоз был повинностью. Стройотряд превратился в место творчества.

Он жил по своим законам, и очень жаль, что впоследствии эти законы не стали нормой для всей страны: опыт, накопленный в стройотрядах, государство перемололо, подчинив энтузиазм молодых своим интересам.

Вот парадокс: из стройотрядовцев шестидесятых вышло огромное число ученых, инженеров, организаторов производства, просто хороших людей. Но, к сожалению, эти хорошие люди зачастую превращались в заурядных управленцев.

«И все-таки мы победили», – пел герой кинофильма 80-х «По главной улице с оркестром».

Студенты ВГУ
выезжают на целину. 1964 год

Потому что творчество одолеть нельзя. Шестидесятые – это годы пробуждения настоящего творчества молодых.

Вспоминаю, казалось бы, частный эпизод из жизни стройотряда «Светлана», которым командовал Сталиан Оленев. Приезжаю в отряд. Сталиан мне говорит: «Сегодня у нас торжественный день – сдаем коровники».

Идем на объект – командир отряда, инженер (была в отряде такая должность), директор совхоза, парторг совхоза и я как представитель областного отряда.

Коровники сверкают идеальной чистотой. Стены ровнехонькие.

Директор совхоза восхищенно цокает языком, обращившись к парторгу:

– А! Ты видел?

Сталь, идущий чуточку сзади, молчит: он хорошо знает, как дались отряду эти коровники, как выравнивались стены, как белили их.

– На следующий год попрошу, чтобы прислали именно вас, – говорит директор совхоза. – Молодцы ребята!

Это отрядный стиль того времени. Потом этот стиль стал приметой стройотрядов 70–80-х годов.

Отряд формировал характер. Отряд формировал личность.

Отряд формировал чувство ответственности.

Отряд формировал не только добросовестных исполнителей (хотя и это было важно), но и творцов. Создателей собственной жизни.

IV

Шестидесятые годы подарили мне театр: в шестьдесят втором возник прообраз будущего Театра миниатюр ВГУ.

Путь к нему был достаточно долог и извилист: ещё студентом я писал сатирические миниатюры, которые представлял вместе со своими сокурсниками или сам.

Одним из таких номеров был «Генрих Дунькин». Выходил на сцену парень – щёголь, одетый по-модному: брюки дудочкой, модный светлый пиджак, щеголеватые усики (нарисованные горелой спичкой). А на ногах – туфли с галошами (потом галоши заменила толстая подошва из микропоры). Дунькин выходил на сцену и просил ведущего:

– Стуло мне! Стуло!

Ведущий выносил стул. Генрих доставал из кармана пиджака газетку, аккуратно стелил её возле ножек стула, снимал галоши и ставил их на эту газетку, доставал из кармана брюк носовой платок, вытирал верхушку стула платком, а потом этим же платком вытирал лоб и читал свои стихи – лирические, философские и эпические.

Вот строки из цикла «Философская лирика»:

*Я сестре являюсь братом,
Деду я – законный внук.
Я хочу быть кандидатом
Все равно каких наук.
А ещё бы мне хотелось –
Разве плохо пометать, –
Чтоб нигде бы не работать,
А зарплату получать.*

(К сожалению, эта хрупкая мечта моей юности так и не осуществилась).

Когда в шестьдесят втором вернулись из Шебекино в Воронеж, я застал в университете бурный расцвет творчества: у физиков, химиков, филологов, математиков были свои небольшие театрики.

Геологи и биологи, объединившись, предлагали на «Веснах» свои вокально-танцевальные сюиты.

День поэзии ВГУ. Лев Кройчик и Виктор Поляков. 1960-е годы

Физики создали пародийный «Академический хор». Молодой факультет РГФ покорял зрителей своим вокалом на иностранном языке.

Работал хореографический ансамбль географического факультета. На концертах и вечерах выступал эстрадный оркестр под руководством Кости Богатырева.

Еще был духовой оркестр.

А потом по инициативе Бориса Ивановича Михантьева возник и симфонический оркестр под управлением народного артиста РСФСР Анатолия Александровича Людмила.

И работала студия вокального пения под управлением Екатерины Владимировны Кожевниковой, где блистали Юлия Слуцкая, Олег Мягков, братья-близнецы Евгений и Виктор Огнев.

Ну и, конечно, собирал свою публику драматический коллектив, которым в разные годы руководили Анатолий Иванович Пальмин и Станислав Иванович Медянский.

Огромные аудитории собирали ежегодные дни поэзии. По традиции 25 марта (начиная с 1956 года) битком набитый зал аплодировал местным литературным знаменитостям – Анатолию Жигулину, Виктору Полякову, Роману Солнцеву, Виктору Панкратову, Евгению Новичихину – и своим доморощенным – Володе Порядину, Олегу Гукову, Геннадию Силову, Людмиле Бахарева, Валерию Мартынову, Аркадию Слуцкому, Светлане Филюшкиной, Станиславу Никулину...

Это была та творческая среда, которая определяла ритмы культурной жизни шестидесятых годов. Сегодня я думаю – что это было?

Стремление выпустить пар?

Жажда самоутверждения?

Поиски новых форм в самостоятельном творчестве?

Или что-то другое, более важное – желание посмотреть на себя в деле?

Не знаю.

Знаю одно. Университетское начальство этому творческому буйству никаких препон не ставило.

Мне тогда казалось, что это самостоятельное творчество было частью общего дела, рожденного оттепелью.

В какой-то степени этот энтузиазм проявлялся и в учебном процессе.

Было интересно учиться и учить. Потому что ректор в то время собирал под университетское крыло молодых ученых.

Обновлялись университетские кафедры, на которые пришли недавние выпускники.

Университет в начале шестидесятых выглядел очень молодо. Это была не просто смена поколений. Это была форма создания обновленного университета.

Главное ощущение той поры – чувство своей полезности.

С тех пор старательно ищу единомышленников. Спустя десятилетия написал о том времени:

*Чредою пролетают годы,
Дерзаний творческих полны.
Мы слову гордому «Свобода»
На веки вечные верны.*

Тем и живу.